

ОТ МОНОГАМИИ К НУКЛЕАРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ СЕМЬИ (философский аспект)

В статье рассматриваются основные факторы, влияющие на структурную ориентацию семьи. Дана характеристика глобализации как исторического вызова. Осуществлена попытка исторического анализа генезиса основных социальных противоречий, имманентно присущих разным типам семьи.

Один из старейших социальных институтов – институт семьи – вступил в фазу глобального кризиса. Сегодня мы живем в мире преобразований, затрагивающих практически все, что бы мы не делали. Плохо это или хорошо, нас заталкивают в рамки глобального порядка, суть которого не все понимают, но воздействие его ощущает на себе каждый. Появление спутниковой связи означало не менее драматический разрыв с прошлым. Первый спутник был запущен в 1969 г. Теперь на орбите сотни и сотни таких спутников, каждый из них передает огромные объемы информации. На протяжении последних десятилетий происходят большие изменения и не только в разных сферах человеческой деятельности, в самом обществе, в государствах и нациях, но и в семье, в семейных отношениях, в той ячейке общества, без которой человек не смог бы стать человеком, индивидом, личностью со своими надеждами, переживаниями, мировоззрением и чувствами. Глобализм бросил вызов всему мировому сообществу и потряс все устои социального общежития: экономика, культура, информация, этнические, национальные и религиозные отношения – все подвергается трансформации и переоценке. Общественное сознание оказалось не готовым для восприятия такого массивного потока новых веяний, которые обрушились на все сферы человеческого бытия. Это не могло не пройти незамеченным в исследованиях представителей гуманитарных наук. Новые тенденции, с которыми столкнулось человечество, отмечали в своих работах такие мыслители, как Э. Тоффлер, Э. Гидденс, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Дж. Нейсбит, П. Бьюкенен, Дж. Гойнби, Я.П. Мерено, Ст. Грофф и многие другие. Из отечественных мыслителей достаточно назвать таких представителей, как А.С. Панарин, К.С. Гаджиев, И.А. Василенко, С. Кара-Мурза, А.И. Уткин и др. Мы видим, что сегодня происходят кардинальные изменения в образе жизни человеческого общества, в семье и семейных отношениях. Всего лишь за один век мир очень сильно изменился: вместо малограмотных крестьян, работающих на своих наделах вместе с детьми, появился свободный и информированный горожанин, работающий по найму и отдающий свою зарплату в семью [1, с. 81]. Эра хуторов или семейных ферм, что одно и то же, – XIX век Западной Европы и США – подходит к своему естественному концу [2, с. 55].

Цель данной статьи – проследить эманацию семейных отношений в условиях новых исторических реалий, показать исторические силы, деструктивно влияющие на трансформацию семейных отношений.

Поток новизны, хлынувший на нас, распространяется из университетов и исследовательских центров на фабрики и в офисы, с рыночной площади, из средств массовой информации – в наши социальные взаимоотношения, из общества в наш дом. Глубоко проникая в нашу частную жизнь, он придает совершенно беспрецедентные черты самой семье.

Семья – место, куда помятый и побитый человек возвращается после схватки с миром, – единственная стабильная точка во всё больше и больше наполняющейся изменениями окружающей среде. Так как супериндустриальная революция разворачивается, сама семья будет претерпевать большие потрясения [3, с. 187], отмечает А. Тоффлер.

Можно сказать, что традиционная моногамная семья оказывается под угрозой, её характер меняется, и эти изменения будут продолжаться. На повседневную жизнь глобальные изменения влияют не меньше, чем на мир в целом. В большинстве регионов мира женщины претендуют на большую самостоятельность, чем это было раньше, число работающих женщин растёт, эмансипация и феминизм все больше и больше становятся реальностью времени. Это не могло не отразиться на гендерных отношениях. Подобные аспекты глобализации не менее, а то и более важны, чем то, что происходит на мировом рынке. Они способствуют возникновению стрессов и напряженности, затрагивая традиционный образ жизни и культуры в большинстве регионов мира. Можно ли сказать, что идущие во многих странах дискуссии о семейных ценностях никак не связаны с влиянием глобализации? Пожалуй, нет. Уже ясно, что во многих странах мира традиционные семейные структуры переживают трансформацию. В истории ещё не существовало общества, где женщины и мужчины обладали бы равными правами. Но история, через диалектическую трагедию, движется именно в этом направлении. И это объясняется тем, что в нашей жизни, в семье под воздействием новых реалий происходит трансформация приоритетов и ценностей, что не может не породить деградацию и кризис в семейных отношениях. Эпоха глобализации для эффективной реакции социальной мимикрии требует системного подхода к восприятию ее вызова.

Сегодня семья как социальный институт стала полем боя между традициями и современностью. В этих условиях глобализм как явление требует не только нового восприятия, но и выработки новых правил игры, а также конечно имплицитивной исторической связи между имманентно присущей тому или иному обществу традиции и современностью.

Традиции необходимы, ведь они придают жизни преемственность и форму, а также определенный качественный национальный формат. Традиции отличаются тем, что они определяют некие истины [4, с. 58]. Утрата «семейного очага» вызывает, пожалуй, большую ностальгию, чем исчезновение любого другого института, уходящего корнями в прошлое. Политики и активисты различных движений беспрестанно ставят диагноз о крушении семьи и призывают вернуться к её традиционным формам.

«Традиционная семья» – это во многом обобщенная категория. В разных обществах и культурах существовало множество разновидностей семейных и родственных связей. Раньше семья была экономическим объединением, семья и брак носили гораздо более традиционный характер – даже несмотря на государственную политику ограничения рождаемости, сочетающую стимулы с карательными мерами. Брак заключался по уговору между двумя семьями – это соглашение не столько между женихом и невестой, сколько между их родителями.

Сегодня семья уже не экономическое объединение, на смену «экономическому соглашению» в качестве основы брака пришла идея романтической любви. С тех пор семья изменилась еще больше.

Материальные потребности современный человек может удовлетворять без ведения общего хозяйства, без кооперации с родственниками, без взращивания сменяемости. Система социального обеспечения, эта воплощенная модернизация интимности, свела общественный институт родства к нуклеарной семье – минимальному объекту опеки и регулирования. Теперь даже это минимальное родство виртуализируется [5, с. 125].

Проведенный нами дескриптивный анализ показывает, что в разных обществах могут быть свои особенности, но одни и те же тенденции можно наблюдать практически

во всех промышленно развитых странах. Семьи, считавшиеся «стандартными» в 1950 г., – когда оба родителя живут вместе с детьми, рожденными в браке, мать является домохозяйкой, а отец – кормильцем, – сегодня составляют меньшинство. В некоторых странах более трети детей рождается вне брака, а процент одиноких резко возрос и, скорее всего, будет увеличиваться и дальше. В некоторых обществах, например в американском или британском, брак по-прежнему весьма популярен – их с полным основанием называют обществами с высоким уровнем разводов и браков. С другой стороны, в Скандинавии большой процент людей, живущих вместе, даже если у них есть общие дети, не вступают в официальный брак. Около четверти женщин от 18 до 35 лет в США и Европе заявляют, что не намерены иметь детей, – и, похоже, они говорят это серьезно [4, с. 73].

Сексуальная свобода находит выражение в практике «открытых отношений», «пробного брака» – партнерства/сожительства. Брак становится виртуальным. Сейчас около половины всех браков заключается после устоявшегося партнерства, причем не всегда он первый. Если в Европе сожительство в 1960 г. было морально рискованным, а в США даже рассматривалось как правонарушение, то к концу XX столетия «пробный брак» стал рутинной практикой. Порядка четверти неженатых мужчин и незамужних женщин в США и Европе в возрасте 25 – 40 лет живут совместно с сексуальным партнером. О виртуализации института брака свидетельствует и увеличение числа рождений детей, чьи родители не находятся в браке [5, с. 124].

«Можно сказать, что в игре жизни и эволюции за столом присутствуют три игрока: люди, природа и машины. Я готов активно подыгрывать природе, но подозреваю, что сама природа подыгрывает машинам» [6, с. 233]. Сегодня роль машин, а точнее техносферы, и ее влияние на человека, в плане порабощения его сознания и фетишизации его души, все более и более нуждается в специальных исследованиях. Налицо как новые тенденции в общественных отношениях, так и революция в общественном сознании.

Всевозрастающая технизация общества ведет к роботизации души и к изменениям в социальных отношениях, что не могло не затронуть один из древнейших социальных институтов – институт семьи.

Во многих странах семья по-прежнему отличается разнообразием форм. В США многие, особенно недавние эмигранты, продолжают придерживаться традиционных ценностей. Однако жизнь большинства семей изменилась с появлением такого явления, как «пара» и жизнь в составе пары. Содержание и смысл семьи изменились. В традиционной семье супружеская пара была лишь частью и зачастую не самой главной частью ее структуры. Связи с детьми и другими родственниками в повседневной жизни имели не меньшее, а то и большее значение. Сегодня именно пара, состоящая в официальном браке или нет, является ядром семьи. Пара заняла центральное место в семейной жизни по мере снижения экономической роли и превращения любви, а точнее – любви и сексуального влечения, в основу заключения брачных уз.

Однажды образовавшаяся пара имеет собственную ячейку в обществе. Эта ячейка основана уже на эмоциональной близости и связи. Никогда прежде брак не основывался на близости – эмоциональном контакте, который, несомненно, был важным элементом удачного брака, но не его фундаментом. Мы должны осознать все значение этих перемен. Сегодня более удачным определением происходящего в личной жизни является «образование и расторжение пар», чем «брак и создание семьи» [4, с. 74].

В традиционной семье брак был своего рода естественным состоянием. Считалось, что через этот жизненный этап должно пройти подавляющее большинство женщин и мужчин. Если с точки зрения статистики брак по-прежнему остается нормой, то смысл брака для большинства людей почти полностью изменился. Брак означает, что у пары

стабильные отношения, и она намерена укреплять эту стабильность. Однако брак уже не является главной, определяющей основой совместной жизни. Положение детей в сложившейся ситуации представляет собой большой интерес и выглядит несколько парадоксальным. За последние несколько поколений наше отношение к детям и защите детей изменилось радикальным образом. Мы так высоко ценим детей отчасти из-за того, что их теперь рождается меньше, отчасти потому, что решение завести ребенка сегодня означает совсем иное, чем оно означало для прошлых поколений. В традиционной семье наличие детей приносило экономическую выгоду. Сегодня воспитание ребенка ложится тяжелым, как моральным, так и финансовым бременем на родителей (потому что без образования сегодня у ребенка не может быть «лучшего» будущего). Решение иметь ребенка стало более четким и конкретным, чем раньше, и определяется оно психологическими и эмоциональными потребностями.

Также ощущается в современных семьях нехватка общения родителей с детьми. Дефицит общения с родителями мальчики и девочки компенсируют, играя в компьютерные и видеоигры. Это таит в себе опасность, так как дети не проигрывают реальные роли, которые они видят (или могли бы видеть у родителей в процессе постоянного общения с ними, которые складывались бы в традиционной семье), дети проигрывают роли, которые наблюдают в компьютерных играх. Даже в одностипных компьютерных играх есть сюжеты и персонажи-трансляторы ролевой идентичности, как, например, милый ежик Суперсоник или предельно жесткий суперагент Лара Крофт. Повзрослев, индивиды компенсируют дефицит взаимодействия с реальным партнером, взаимодействуя как с образами, сконструированными авторами компьютерных игр и дизайнерами развлекательных веб-страниц, так и с образами, сконструированными участниками в чатах [5, с. 128].

В результате происходит отчуждение человеческой сущности в виртуальную реальность еще в возрасте ребенка, что само по себе несет шокирующую опасность. Когда время контакта сжимается и сокращается до ничтожной величины длиной в секунду, пространство и пространственные указатели перестают играть роль для тех, чьи действия осуществляются со скоростью передачи письма по электронной почте [7, с. 25].

Главными причинами социальных изменений XX века являются новые интересы и потребности людей. Новые потребности, создавая новые рынки и новые отношения, разлагают прежние устои производства и жизненного уклада, «извлекая» огромные массы людей из привычно обжитых, «теплых» мест. Главным мотором этих процессов и сегодня являются деньги, часто занимающие место семейных отношений и ценностей. Фактически, говоря словами П. Сорокина, наступила эпоха денежного сумасшествия.

Раньше в традиционной семье подростки и тем более девушки заботливо ограждались от общества сверстников, тем более юношей до того самого момента, пока их не выдавали замуж, что обычно сопровождалось ритуальным обрядом, от которого к сегодняшнему дню осталась одна иллюзия. В такой ситуации крайне важно было оптимально подготовить девочку-девушку к ее будущей роли многодетной матери, оградить ее от всего, что могло бы помешать ей полноценно выполнять эту роль, дать ей реальную возможность родить несколько раз, чтобы двух родителей в следующем поколении могли сменить хотя бы двое-трое, позволяющих в демографическом аспекте обеспечить выживаемость народа при любых бедствиях, наконец, создать оптимальную обстановку для полноценного воспитания подрастающего поколения, что возможно только в семье. В семье с традициями предков старики обычно оставались в семье и, уступая отцам и матерям семейств бразды правления, приносили большую пользу как по хозяйству, так и в особенности по воспитанию детей, вообще по поддержанию

спасительных обычаев-ритуалов. А заодно автоматически обеспечивали себе единственно возможное подлинно человеческое счастье на старости лет. Вообще сложная многопоколенная семья представляется идеальным социальным организмом для полноценного воспроизводства поколений. В этом смысле ей нет альтернатив. Она исключает мучительную психологическую перегрузку отца и особенно матери, сохраняя за ними роль высших распорядителей и перекладывая значительную часть воспитательных функций на старших сестер и братьев, на бабушек и дедушек, на других родственников, входивших в состав семьи, с поразительным в смысле эффективности воспитания результатами. Это и есть организация первичной ячейки общества. Но что же происходит сейчас: огромное количество матерей-одиночек не в состоянии воспитать ребенка самостоятельно, при этом не нарушив нормальное психологическое состояние малыша. Ведь будущее земной цивилизации, всего общества зависит от молодого поколения начала XXI века [8, с. 17].

Но в условиях тотального отчуждения проблема одиночества только еще больше усугубляется и обостряется, в семье зеркальным отражением этого являются такие социальные болезни, как пьянство и наркомания, с которым современная цивилизация справиться никак не в состоянии. Мы давно уже разучились смотреть на мир чистыми, открытыми глазами. Индивидуальное сознание человека эпохи цивилизации постоянно пребывает в аберрационном поле доксических теней. В результате человек так и не пресуществился с бытием, отсюда и привычка людей не смотреть на мир открытыми глазами, которая несет в себе скрытые и угрожающие последствия. Такая привычка людей отказываться от высказываний критических суждений по фундаментальным вопросам бытия является одной из самых больших опасностей, угрожающих человеческой способности понимания мира [9, с. 30].

Как не уставал повторять Фредерик Бастья, «есть то, что мы видим, и то, что мы не видим» [9, с. 151].

Сегодня человек думает: пусть завтра человечество погибнет, но сегодня оставьте меня в покое! Удивительно все-таки устроена психология человека: он с удовольствием смотрит на экране разные ужасы или читает о них в детективах, приятно щекоча себе нервы, но, как страус, прячет голову в песок, когда ему говорят о надвигающейся катастрофе, в которой его собственная судьба и уж наверняка судьба его детей и внуков может оказаться ужаснее любого фильма ужасов. И эта тотальная социальная апатия накрывает глобалистику словно могильным курганом. Нам не хватает сегодня алетей, то есть понимания истины и правды мира.

Как выразился Корнелиус Касториадис, проблема нынешнего состояния нашей современной цивилизации заключается в том, что она перестала задавать вопросы. Отказ от некоторых вопросов несет в себе большую опасность, чем неспособность ответить на вопросы, уже стоящие на повестке дня, а неправильно заданные вопросы зачастую помогают отвлечь внимание от действительно важных проблем [7, с. 14].

Как гром среди ясного неба грянул в конце XX столетия, когда появилась книга Э. Тоффлера «Футурошок». Автор ясным, ярким языком поведал о том, как рассыпается прахом привычная жизнь и на смену ей приходит непривычное, непонятное будущее, к которому предстоит приспособиться или погибнуть. И, действительно, исчезают на глазах такие понятия, как «отчий дом», «верность до гроба». На протяжении всей своей жизни средний американец, например, в наши дни успевает сменить столько отчих домов, столько мужей-жен, столько разнообразных, неизвестно кому подчиняющихся контор, ежегодно сотнями тысяч возникающих, сколько не снилось ни одному дон Жуану минувших времен. Радикально меняется самое место работы: оно все чаще становится местом работы с персональным компьютером, независимо от того, печет ли пироги

пирожник, подбивает ли дебит-кредит бухгалтер, тачает ли сапожник сапоги. При этом все чаще компьютер оказывается дома, а пироги пекутся или сапоги тачаются на другом конце города или вообще в другом городе. Радикально меняется быт в насквозь компьютеризированном жилище. Рядовая домохозяйка превращается в главного инженера своей домашней фабрики – автомата по обслуживанию детей и мужа. Радикально меняется досуг: человек все чаще и чаще даже вдвоем с супругой остается часами и часами наедине с телеэкраном, который ему как ребенку, обо всем рассказывает, все показывает, всему учит, всячески воспитывает. Сегодня происходят немисленные изменения: социальный статус и престиж человека в обществе больше не зависят от числа сыновей. Вообще не имеет значения, есть ли у него дети или нет, сколько у него сыновей, женат он или разведен, замужем она или одинока. Стереотипы патриархального общества: «старая дева» и т.д. – перестали быть важными для нашего времени. Мало того, оказывается, в современном обществе без детей и даже вообще без семьи живется гораздо легче. Как сегодня думают молодые люди: если жена и муж дают друг другу сносное существование и не надо трудиться на благо семьи и брака, то такой брак еще можно терпеть. Если же нет – зачем тратить время и деньги на сочетание браком? Как поведет себя «среднестатистический» человек в подобных обстоятельствах?

Прежде всего, он сделает потрясающее открытие: дети не нужны. При традиционном сельском образе жизни они – важные помощники по хозяйству, при современном городском – обуза. Дожив до собственной свадьбы и обзаведясь собственными семьями, раньше они были важными союзниками в борьбе за выживание, теперь – даже не соседи, а вполне чужие люди, норовящие лишь хоть чем-нибудь поживиться у родителей. Наконец, раньше дети – это была «живая пенсия» на старости лет, единственно возможная в те времена. Теперь пенсия вроде бы от детей независима. Конечно, против этого говорят элементарные инстинкты материнства и отцовства. Конечно, сказываются пережитки патриархализма, в том числе более высокий социальный престиж замужней женщины с детьми. Конечно, охватывает ужас перед одиночеством, который заставляет выходить замуж, так и не узнав достаточно своего избранника, заводить ребенка на четвертом, а то и на пятом десятке лет вообще без мужа. Но это не идет ни в какое сравнение с глубокими выводами, только что сделанными.

Внушительное меньшинство – до трети населения в возрасте от 25 до 45 лет, те, когда пора жениться или выходить замуж, а о старости говорить еще рано – по разным причинам предпочитают вести холостяцкий образ жизни. Среди них мало кто из женщин обзаводится ребенком, тем более – двумя-тремя, и очень редко кто из холостяков-мужчин самолично воспитывает детей. В свою очередь, не менее трети оставшихся из двух третей, сочетаясь браком, добровольно или вынужденно остаются бездетными. Из остальных подавляющее большинство довольствуются одним ребенком, и лишь считанные проценты имеют двоих детей, еще реже – троих или больше [10, с. 110]. В среднем получается один ребенок на семью. Такова демографическая структура общества, скажем, в Германии. За ней – страна за страной – выстраиваются все развитые страны мира, а в перспективе и развивающиеся.

Кроме того, катастрофически ломается возрастная структура общества. В естественном состоянии около половины его численности составляет молодежь до 16 лет, примерно столько же – взрослые трудоспособного возраста и лишь считанные проценты – лица пенсионного возраста. В противоестественном состоянии процентная доля взрослых остается примерно такой же, молодежи – снижается от половины к четверти и ниже, а пенсионеров – от считанных процентов к четверти и выше.

Если в развитых странах доля престарелого населения превышает 14% (170 млн), то понятно, почему проблема старения занимает здесь столь существенное место.

В развивающихся странах, где велика доля детей и молодежи (дети до 15 лет составляют 18%), возникают существенно другие проблемы, связанные с обеспечением образования и занятости. Также существует разница в состоянии здоровья и средней продолжительности жизни в разных странах: в Японии – 81 год, в Швеции и Канаде – 79 лет, в Замбии – 37 [11, с. 229].

Нужно отметить, что численность населения нашей планеты за прошедшие 50 лет увеличилась более чем в 2 раза – с 2,5 до 6,1 млрд человек. Согласно прогнозу ООН, в течение следующих 50 лет рост численности населения земного шара по-прежнему будет оставаться высоким, хотя и замедлится по сравнению с предшествующим периодом, и составит в 2050 г. уже 9 млрд [11, с. 202].

Если XX век был веком индустрии, то XXI век – век информации, скоростей и перманентных изменений.

Нужно отметить, что городские пространства, где жители из разных районов могут встречаться лицом к лицу, беседовать, ссориться, спорить или соглашаться, поднимая свои личные проблемы на уровень общественных вопросов, быстро сокращаются в размерах и количествах [7, с. 35]. Необходимо сохранение семьи и семейных отношений в том подобии, в котором они должны быть, а не в искаженном состоянии, превращенном в виртуальную реальность. Но здесь следует тщательно различать цели и средства. Средства не являются целями в себе. Они имеют и могут иметь значение лишь в той мере, в какой они выступают наиболее адекватными по отношению к поставленным целям. Сегодня сохранение семьи и семейных отношений возможно только в мусульманских странах, и только благодаря религии. И религия должна оказаться на уровне потребностей общества и помочь ему отыскать необходимую дорогу. Она является культурным спасительным поясом человечества [2, с. 20].

Если ничего не изменится, то человечеству не пережить XXI век, катастрофа будет ужаснее библейского потопа, и вряд ли найдется еще один Ной со своим спасительным ковчегом. Деструктивные силы всегда сильнее конструктивных и ключ к спасению в возврате к высшим морально-нравственным ценностям, к духовности, без которой нет гуманизма, а без гуманизма нет человека, в высшем понимании этого слова, а есть только антропофаг – человеко-зверь. Это и будет фаза или победы свободы над рабством у необходимости, или наоборот.

Кажется, что кризис может иметь два исхода: либо нас ожидает судьба динозавров, либо энергия, талант, воля человечества как единого целого найдут и утвердят качественно новые формы своей жизни в составе нашей биосферы [2, с. 25]. Налицо серьезные изменения как в социальной памяти человечества, так и в становлении новой матрицы общества. На вопрос: какие же типы семей исчезнут и какие распространятся в будущем, в частности, сам Э. Тоффлер не дает и не может дать однозначного ответа.

Мы же, в свою очередь, можем только добавить, что это будет зависеть от целого ряда факторов, которые будут приняты обществом, учитывая уровень культуры общества в целом, уровень развития технологий, особенности этнических и религиозных взаимоотношений, специфику труда, а также развитие индивидуального сознания и социальной мобильности. Поскольку множество различных исторических сил воздействуют на структуру семьи – коммуникационные модели и ценности, религиозные движения, демографические, а также экологические и некоторые другие, то связь между типом семьи и организацией работы всегда будет оставаться весьма сильной.

Семья словно нарочно создана для оптимального удовлетворения насущнейшей потребности человека в самоутверждении – в уважении со стороны окружающих и на этой основе – в самоуважении. Как бы к тебе не относились на работе, как бы ни

обидели на улице, в семье – в нормальной, пусть даже не особенно счастливой семье – ты всегда самый умный, самый красивый, самый дорогой и желанный. Если бы семьи не было, если бы ее не сотворил Господь, ее стоило бы выдумать.

Семья словно нарочно создана для упорядочения быта и досуга человека. Она идеальна для кооперации усилий людей в домашнем хозяйстве и для организации интересного, содержательного проведения свободного времени. Никакой клуб не способен тягаться с ней в этом отношении. Самое же главное – это то, что семья словно нарочно создана для оптимального воспроизводства поколений. И в количественном, и в качественном отношении. Любая казарма, как бы она не называлась, способна более или менее воспитать ребенка только в меру своего приближения к образу и подобию семьи. Ребенок, лишенный родительской ласки, всегда в чем-то ущербен. Ребенок, лишенный нормального общения с родителями, всегда ущербен вдвойне. Но семья – великое благо не только для ребенка. Для родителей тоже. Для ребенка папа и мама – великие учителя [10, с. 123].

Необходимо создать лучшие условия для образования семьи, мало того, для знакомства молодых людей с целью создания семьи. При традиционном сельском образе жизни это достигается системой ритуалов, при сильнейшем влиянии общественного мнения окружающих. При современном городском образе жизни все эти социальные механизмы опадают. Необходимы новые социальные инструменты, позволяющие наиболее эффективно решать поставленные перед обществом движением самой истории социальные задачи.

Чтобы человек ни наработал, что бы ни заработал – всё не вечно. Каких бы чинов, званий, должностей не достиг он – о них вскоре забудут. Раньше была надежда увековечить себя в книгах, картинах, зданиях. Сейчас это уже не является вечной ценностью. На глазах только герои рок-фестивалей, но ведь и они через секунду канут в небытие [10, с. 125].

Ничего нет вечного в этом мире. Одно только ясно: человек должен и способен понимать и чувствовать ответственность за судьбу как свою, так и общества, и руководствоваться этой ответственностью, возложенной на него Богом. Жизнь – величайший дар и величайшая ценность, и мы в ответе за нее.

Выводы

Итак, вопрос, который поставил в своем исследовании Э. Тоффлер, и сегодня остается открытым: может ли семья больше служить идеальной моделью для общества в вопросе воспитания и формирования человека. Налицо такие новые явления, как «бездетный образ жизни» и культура «бездетности». Сегодня мы наблюдаем такое явление, как на месте семьи-ячейки появляются разнообразные типы семьи: гомосексуальные браки, различные коммуны, племенные группы, этнические меньшинства и многие другие. Само собой напрашивается естественный вопрос: «Каково же будущее семьи?.. Сможет ли моногамная семья выжить в новых исторических условиях? Или же она обречена на отрицание, снятие ее нуклеарной? Или она перейдет в свое иное – в первобытный промискуитет, а, может, на ее место придет огромное разнообразие совершенно новых социальных структур семьи». Ясно одно – не будет какого-либо одного преобладающего типа семьи, который будет доминирующим на протяжении длительного исторического времени. История показывает, что на формирование того или иного типа семьи оказывают влияние различные исторические силы – производственная и информационная системы общества, коммуникационные модели, морально-нравственные, этические, аксиологические и религиозные устои, демографические и экологические изменения – именно совокупность всех этих составляющих и формирует тот или иной тип семьи.

Таким образом, сможет ли вся эта гамма имманентно присущих обществу социальных взаимодействий исторических сил решить проблему отчуждения человека и преодолеть

антиномичность как чувственных, так и аксиологических противоречий человеческого бытия через формирование нового типа семьи, наиболее отвечающего вызову времени. Вопрос только в том, насколько адекватно восприятие нашим сознанием данного вызова истории и каким будет наш исторический ответ. И в этом отношении опыт истории – это единственный источник истины, который может не только нас чему-нибудь научить, но и поставить перед нами как новые вызовы, так и новые вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобальный мир : труды клуба ученых. – М. : Новый век, 2002. – Т. 3. – 243 с.
2. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н.Н. Моисеев. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 223 с.
3. Тоффлер А. Футурошок / А. Тоффлер. – СПб. : Лань, 1997. – 461 с.
4. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 116 с.
5. Иванов Д.В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов. – СПб. : Петерб. ин-т востоковедения, 2002. – 215 с.
6. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории / А.П. Назаретян. – М. : Мир, 2004. – 365 с. – (Синергетика – психология – прогнозирование).
7. Бауман З. Глобализация: последствия для человеческого общества / З. Бауман. – М. : Весь мир, 2004. – 188 с.
8. Федотов А.П. Глобалистика: начало начала науки о современном мире : курс лекций / А.П. Федотов. – [2-е изд.]. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 224 с.
9. Морис А. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность / А. Морис. – М. : Теис, 2003. – 316 с.
10. Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация / И.В. Бестужев-Лада. – М. : Владос, 1998. – 348 с.
11. Население и глобализация / ИСЭПН. – М. : Наука, 2004. – 321 с.

С.М. Ковальов

Від моногамії до нуклеарної реальності сім'ї (філософський аспект)

У статті розглядаються основні чинники, що впливають на структурну орієнтацію сім'ї. Дана характеристика глобалізації як історичного виклику. Зроблена спроба історичного аналізу генезису основних соціальних суперечностей, іманентно властивих різним типам сім'ї.

S.N. Kovalyov

From Monogamy towards Nuclear Reality of a Family (philosophical aspect)

Basic factors influencing on the structural orientation of family are examined in the article. Description of globalization is given as the historical call. The attempt of historical analysis of genesis of basic social contradictions is undertaken inherent to the different types of family.

Статья поступила в редакцию 25.02.2010.